

Есть на восточном участке Байкало-Амурской магистрали (Хабаровский край) железнодорожный тоннель с удивительной историей. Он пронизывает Буреинский хребет (точнее, хребет Дуссе-Алинь). Длина тоннеля 1852 метров. Как сообщают источники, Дуссе-Алиньский тоннель был построен в 1939–1953 годах силами заключённых БАМлага. Проходка велась с двух сторон навстречу друг другу. Тогда в эксплуатацию он не был запущен, помешала война. Заброшенный тоннель постепенно оказался полностью заполнен льдом. С возобновлением строительства БАМа силами железнодорожных войск тоннель был освобождён от льда (частично с помощью оттаивания, частично механическим путём). 4 ноября 1982 года по Дуссе-Алиньскому тоннелю пошли поезда...

«...В октябре 1975 – феврале 1976 года силами железнодорожных войск тоннель был освобождён от льда...» А что же было до октября? Наша воинская часть разместилась на перевале Дуссе-Алинь в декабре 1974-го. Девять месяцев, однако – срок немалый.

Давно это было. Сорок с лишним лет прошло и, казалось бы, зачем вспоминать? Но вспоминается. Сегодня по нашему (!) тоннелю идут поезда из Тынды и Ургала на Комсомольск и обратно, в вагонах сидят люди, смотрят в окна на тайгу и не думают о том, что было здесь в давние времена. А я смотрю на современные фотографии тех мест и не узнаю распадок в долине речки Черт, где размещался лагерь у западного портала Дуссе-Алиньского тоннеля. Нет на этих снимках ни сторожевых вышек, ни барачков, ни трех плит над входом в тоннель с барельефа-

ми вождей революции. Все это осталось в другом измерении. Но стоит закрыть глаза, как видится настолько ярко, как будто было вчера...

О строительстве тоннеля в предвоенные годы, о героическом, в прямом смысле слова, труде воинов-железнодорожников на восточном участке БАМа в 70-е написано немало. Наиболее широко эта тема освещена в очерках Виктора Прядкина, где даются ссылки и на другие источники*. Да и Internet нам в помощь. Только набери в поисковике нужные слова, как откроется море информации**. И все-таки есть одно белое пятнышко.

Когда я читал материалы о Дуссе-Алинском тоннеле, я не нашел рассказа о тех, кто оказался там в декабре 1974 года и возглавил работы по очистке тоннеля, – командира части подполковника А. Гака, начальника штаба майора Ю. Бескубского, замполита майора Лучезарского, капитанов А. Александрова, Кублицкого, Назаренко, лейтенанта В. Никитина и других офицеров-первопроходцев. Не говорю о рядовых и сержантах, я мог бы назвать их десятка два, а то и больше. Не забыл и никогда не забуду. А напоминанием мне служит татуировка на руке, которую я сделал там, в продымленном бараке полуразрушенного лагеря на перевале Дуссе-Алинь в декабре 1974-го.

Я не нашел знакомых имен. Даже войсковая часть наша упоминается в публикациях очень редко. Может, не сумел найти. Кроме того, известно, что раньше материалы, связанные с этой стройкой, вплоть до 80-х годов прошлого века, были во многом засекречены, а частично и уничтожены.

Это не упрек авторам опубликованных материалов о тоннеле – они добросовестно поработали с документами, профессионально изложили имеющиеся в их распоряжении факты. И я хочу лишь заполнить маленький пробел, по мере сил, своими воспоминаниями. Думаю, что имею на это право, потому что видел все своими глазами, будучи непосредственным участником тех событий, одним из многих воинов-железнодорожников рядового состава. Конечно, многое уже стерлось из памяти, но, надеюсь, и эти штрихи будут дополнением к общей картине истории Дуссе-Алинского тоннеля.

1. Шатура – Ургал

До осени 1974 года наша войсковая часть 64715 (отдельный железнодорожный батальон особого назначения) стояла в подмосковном городке Шатура и, кроме военной подготовки, вела по своей специфике ремонтные работы железнодорожных путей на станциях Ильичев – Нечаевская. Там были наши летние лагеря и путевые роты, да и мостовая,

* В частности о строительстве тоннеля в разные годы прошлого века, очерк В. Прядкина «Тайна Дуссе-Алинского тоннеля». В дальнейшем в ссылках буду указывать «Тайна...». *Здесь и далее прим. авт.*

** Кстати, «Еще во время проработок в 1894–1896 гг. и проведения изыскательских работ в 1914–1917 гг. Амуро-Николаевской железной дороги проектировщики подготовили проект перехода через этот горный массив – Дуссе-Алинский хребет. Однако этот вариант не предусматривал тоннельный переход. Во времена СССР, в 1930–1931 гг., проектировщики также предлагали обойти это горное препятствие с севера по долинам рек Зеи и Уды. В 1932–1933 гг. изыскатели проделали огромную работу. Было предложено семь вариантов трассы от реки Селемджа до Комсомольска-на-Амуре. И только по результатам изыскательской экспедиции в 1933–1934 гг... целесообразность тоннельного перехода была признана окончательно» («Тайна...»).

а также мино-подрывной взвод, связисты и хозяйственники в основном находились там, среди Муромских лесов, где проводились и нередкие учения, которые объявляло командование дивизии, что размещалась в Муроме.

Весной 1974 года мы впервые услышали о Байкало-Амурской магистрали. Ударная комсомольская стройка – БАМ! О том, что дорога эта уже строилась когда-то и кто ее строил, никто из нас и понятия не имел. Но о возможном переводе нашего батальона на БАМ говорили все более уверенно. Это были, конечно, пока еще только слухи, домыслы, но они имели, безусловно, основание, прежде всего исходя из специализации наших войск. Кому, как не железнодорожникам, строить железную дорогу? И офицеры, я уверен, знали о предстоящих переменах куда больше нас, рядовых и сержантов, но ничего конкретного нам до осени не объявляли. Но, как известно, дыму без огня не бывает.

Кто-то мечтал о таежной романтике, кто-то побаивался неизвестности и не хотел никаких перемен, а трудностей в воинской службе, да по первому году, и так хватало. Но, в общем-то, каждый знал, что никто нас не спросит – будет приказ, будет исполнение. Поедем на край света без плацкартного билета, как шутил один веселый прапорщик, который, кстати, «на край света» не поехал, остался, после разделения части, в Шатуре дослуживать свой пятилетний срок. А пока мы, «молодые», занимались строевой подготовкой, топали на плацу, распевая во все горло на мотив «Прощания славянки»:

...И не зря изучали мы тактику,
Если надо, в смертельном бою
Вспомним нашу двухлетнюю практику
И учебную роту свою...

Тактику, по правде говоря, мы не очень-то изучали – задачи у желдорбата определенные. Научились ходить строевым шагом, разбирать-собирать АКМы и стрелять из них, одеваться по команде за сорок пять секунд, пока горит в руках сержанта спичка, привыкли к неожиданным марш-броскам – и ладно. Каждому свое. Путьцы наращивали мышцы, забивая костыли в шпалы на перегонах Ильичев – Нечаевская, мостовики валили лес, расчищая просеки... Всех без разбору нещадно жгли комары, которых в Муромских лесах водилось великое множество. Не помогли никакие кремы и жидкости. Вечерами в палатках ставили ведра с тлеющими сосновыми ветками, чтобы потом с дымом выгнать из помещения и крылатых кровопийц. Толку было немного, но все-таки... А если нам показывали на площадке фильм, то экран обычно закрывала завеса из комаров. Столько крылатых кровососов мы не увидим потом и в дальневосточной тайге.

Время шло, и в июле 1974 года Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР приняли постановление (№ 561) «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». И теперь уже никто не скрывал, что мы вскоре отправимся на ударную комсомольскую стройку, воины-железнодорожники в конце концов тоже ведь комсомольцы. И кому, как не нам, быть в этом деле пионерами.

Пионерами мы и стали. Правда, никто из нас и представить себе не мог, что отправят наш батальон выполнять свой воинский долг к черту на кулички – едва ли не в прямом смысле этого выражения, потому что река на Дуссе-Алине, куда переместили нашу часть, называлась Черт.

Мы считали, что так ее прозвали зэки за ее буйный нрав, о чем я расскажу в своем месте, но есть, оказывается, версия, что это перевод с эвенкийского – *авахи* – черт. Впрочем, одно другому не противоречит. Черт он и есть черт, с какого бы то ни было языка*.

Первый эшелон с техникой и частью личного состава ушел из Шатуры, если не ошибаюсь, в сентябре. Потом был второй. Мне довелось отправиться с третьим – в конце ноября. Две недели мы пересекали Россию и Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток – до станции Известковая, где повернули на север, в сторону Якутии, Буреинского хребта – к Ургалу.

Без приключений не обошлось. В Свердловске (так тогда назывался Екатеринбург) батальон повели строем в баню. И если мы уезжали из Подмосковья осенью, то здесь уже стояла настоящая зима. Мороз был небольшой, но крепкий, задиристый. Мы печатали шаг по улицам города, не предполагая, что совсем скоро сибирский мороз проявит себя во всей красе.

А случилось вот что. В составе кроме платформ с техникой было три вагона – два солдатских и один офицерский. По недосмотру ли, по другой ли причине, проводниками в нашем вагоне оказались две довольно молодые женщины. А в вагонах две сотни солдат, среди которых немало сынов Кавказа... А мороз крепчал. А про печки, в которые надо постоянно подкидывать уголь, проводницы, видимо, забыли, утомленные вниманием личного состава. Возможно, была и другая причина, не знаю. Так или иначе, но где-то после Новосибирска ближе к ночи мы почувствовали, что температура окружающей среды резко понизилась. Вагон стал замерзать.

Становилось все холоднее и холоднее. Мы сидели уже в бушлатах и шапках. Сначала шутили и пели патриотические песни, какие могли вспомнить, но потом веселье как-то само собой поутихло. На ужин была пшенная каша, горячая, и мы старались съесть побольше, чтобы стало теплей. Но теплей не стало. Погас свет. Вагон замерз окончательно.

Спать легли не раздеваясь. Даже в темноте было видно, как пар от дыхания тянется к потолку белыми струями. Посреди ночи нас стали будить офицеры, освещая спящих воинов фонариками.

Нужно было подниматься и переходить в первый вагон. Такое решение принял командир – чтобы личный состав не померз, не добравшись до места назначения.

В первом вагоне набилось солдат как селедок в бочку. Все тут были без разбора – «старики», «молодые», рядовые, сержанты. Да еще разрешили курить прямо в вагоне. Для согрева, видимо. Какой уж там сон! Помню, состав остановился и я, лежа на третьей полке и смоля «Беломор», выглянул в окно. Это была станция Тайга. Мне было интересно, потому что здесь провел детство мой отец, здесь похоронены мои предки – прадед и прабабушка**. Но я ничего, конечно, из окна не увидел, кроме высоких сосен и вывески над вокзалом.

* В. Прядкин, «Тайна...».

** Мой дед по отцовской линии – Николай Петрович Гофман – был инженером-железнодорожником. В конце XIX – начале XX вв. строил Транссиб, конкретно Китайско-Восточную ветку, участок от ст. Маньчжурия через Харбин до ст. Никольское (сохранились фото, сделанные в Харбине). Здесь он познакомился с будущей женой, моей бабушкой, родители которой жили где-то в районе озера Ханка, потом переехали на ст. Тайга. Так мне довелось в некотором смысле продолжить дело своего деда. У него – Транссиб, у меня, через 70 лет, – БАМ. В общем, Великий Сибирский путь.

Утром пошли в свой вагон за вещами. Он стал похож на сталактитовую пещеру – пустой, звонкий и белый от инея... А поезд шел без остановок, тревожно стуча на стыках колесами, все дальше и дальше.

В Красноярске нас высадили на перрон, построили повзводно, как на плацу, и так мы стояли часа полтора, пока не поменяли замерзший вагон, вместе, разумеется, с проводниками. Стоять на морозе, а термометр показывал уже 37 по Цельсию, было еще тяжелей, чем мерзнуть в вагоне, потому что к тому времени, казалось, мы промерзли, в прямом смысле, до костей. В морозной тишине слышался только стук сапога об сапог – ноги мерзли нещадно, а форма одежды у нас пока что была не северная – бушлаты под ремень да кирзовые сапоги, а портянки, прямо скажем, не шерстяной носочек, связанный доброй бабушкой.

Наконец, раздалась команда заходить, и мы, не чувствуя рук и ног, ворвались в теплый вагон. Человек в нормальных условиях быстро забывает о тех трудностях, что пришлось перенести буквально полчаса назад. Вот уже и горячего чаю попили, вот уже и гитара зазвенела в последнем купе, где занимал место наш знаменитый гитарист Наиль Мусин, на гражданке музыкант казанского ресторана «Север». И запели уже, запрещенную в другое время замполитом, «Москву златоглавую», нестройно подтягивая Наилю. А колеса теперь уже весело стучали, и поезд уносил нас все дальше на восток, чтобы остановиться через несколько дней в Ургале, почти за 7 тысяч километров от Москвы.

2. Ургал – Дуссе-Алинь

Мы прибыли на станцию Ургал рано утром 7 декабря 1974 года. Помню, как вышли из вагона и словно астматики стали задыхаться морозным воздухом. С непривычки дышать было тяжело. Позже мы научимся дышать на холоде носом, чтобы в легкие поступал более теплый воздух, а когда – это невозможно, дышать, свернув губы в трубочку, а язык прижимая к нёбу. И ме-е-едленно. На морозе все надо делать медленно. А пока что мы дышали, уткнувшись в куцые воротники бушлатов.

Уже рассвело, но солнца видно не было из-за густого тумана, морозной дымки, которая образуется, если в воздухе появляется от мороза много ледяных кристалликов. 51 градус! Не верилось даже, что такое бывает. Мы вышли из вагона в другой мир, закованный морозом – за дымкой просматривалось здание вокзала, кораблем наплывающее на нас, деревянное, в каких-то причудливых завитушках работы местных плотников-умельцев, выкрашенное к тому же в зеленый цвет. На железнодорожных путях, а их было несколько, стояли железнодорожные составы, вдоль которых полыхали высокие костры из старых автомобильных покрышек, жутко чадающие.

Вокруг огня грелись люди, в основном военнотружущие – солдаты, сверхсрочники, прапорщики, младшие офицеры, прибывшие к месту назначения раньше нас. В Ургал с августа подтягивались подразделения железнодорожных войск, которым предстояло строить восточный участок магистрали, поэтому военного народа здесь было много – одни убывали на свои точки в тайгу, другие прибывали из центра – поселок превратился на время в своеобразный воинский штаб.

Вдалеке за домами виднелись невысокие тонкие деревья, как-то особенно сиротливо устремленные в небо. Может быть, так виделось из-за

плотной морозной вуали, что заволакивала бедный ландшафт. Эти чахлые, дрожащие березки и есть знаменитая дальневосточная тайга? Я-то представлял кедры в два обхвата, строевые сосны, густые лиственницы и пихты! В чащобах живут бурые медведи, в ветвях прячутся рыси, а иногда тут можно встретить уссурийского тигра! Об остальном зверье, вроде соболя и песца, и говорить нечего!

А тайга и впрямь оказалась не такая. Этот лесок был лишь ее началом, настоящая суровая и величественная тайга, красивая в любое время года, даже зимой, находилась дальше, на сопках, она ожидала нас на перевале Дуссе-Алинь, за сто километров от Ургала. Увидим мы скоро и соболя, и песца, и медведь почешет спину о машину связистов, установленную на вершине самой высокой в округе сопки, которую мы назовем «дембельская».

Вечером нам выдали наконец по комплекту зимнего белья, рыжие валенки на резиновой подошве, белые, мягкие, пахнущие свежей овчиной полушубки, ватные брюки, двупалые рукавицы из собачьего меха. Жить стало веселей. Кто-то из хоззвода, кажется, сержант Игонин, добыл где-то бутылку водки, нам всем досталось по глотку. Водка загустела на морозе и тянулась, как ликер «Северная Пальмира». В тот первый день на БАМе я неслабо обморозил оба уха и щеки и даже не заметил когда. Опытный прапорщик Пухальский посоветовал растереть обмороженные места шестью, чтобы не потемнели, и я усиленно надраивал щеки, уши, а заодно и нос новой меховой рукавицей.

На разводе утром мы стояли в строю – все как с иголочки, белые и пушистые, в непривычной форме, с торчащими в стороны из рукавов полушубков рукавицами, похожие на пингвинов. Казалось, наше дыхание на морозе вот-вот превратится в лед. Но не превращалось, только белое облако колыхалось над строем. Командиры на нашем белоснежном фоне выглядели воронами – офицерские полушубки были черные и блестящие, словно лакированные. Замполит части майор Лучезарский, выдыхая морозные слова, коротко и ясно изложил ситуацию и наши задачи. Мы слушали, как говорится, вполуха, потому что было очень холодно. Но основное из речи майора все же отфильтровали.

Ургал – узловая точка восточного участка БАМа. Новый железнодорожный путь из Сибири до Дальнего Востока имеет не только промышленное, но и важнейшее стратегическое значение. Эта дорога будет короче Транссибирской магистрали, к тому же она удалена от границы. Вдруг война с китайцами? Допустим, они захватят Транссиб, а у нас в запасе другой путь сообщения запада с востоком – БАМ! Так что мы участвуем в великой стройке, стройке века! Сюда, на восточный участок, направлены подразделения двух корпусов железнодорожных войск, и наша воинская часть в их составе. Батальон будет дислоцироваться глубоко в тайге, где нам предстоит очищать ото льда давно построенный тоннель на перевале Дуссе-Алинь.

Через несколько дней намечалась отправка личного состава к месту службы. Дорога была налажена, и там уже сейчас наш десант заблаговременно готовил площадку для размещения батальона.

Так мы впервые услышали о тоннеле. Замполит ничего не сказал, но слухами, как говорится, земля полнится. Вскоре все, от рядового первого года службы до старшины, которому до дембеля четыре шага, уже знали о том, что тоннель строили заключенные задолго до войны, потом законсервировали, и он зарос льдом, а нам предстоит нести службу

в бывшем лагере, жить в сохранившихся с тех лет бараках и долбить тот самый многолетний лед, пробивая путь будущей магистрали.

Все срока давно закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест накрест заколочены,
Надпись «Все ушли на фронт»...*

Через пару дней первые машины автомобильной роты – КраЗы, а за ними «Уралы» – пошли по Чегдомынскому зимнику на перевал, к таинственному тоннелю, закупоренному льдом.

3. Тоннель. Легенды и реальность

Сто километров от Ургала до перевала Дуссе-Алинь мы преодолели за шесть часов. Дорога была не из легких. По сопкам, густо заросшим тайгой, она то опускалась вниз, к подошвам холмов, то поднималась на высоту такую, что заснеженные деревья внизу казались величиной со спичечный коробок. Младшие офицеры и прапорщики ехали вместе с нами. По дороге они рассказывали о тоннеле и о тех, кто его строил в предвоенные годы. Из рассказов выходило, что нас ждет в тайге какое-то мрачное и таинственное место. На Дуссе-Алине пропадали поисковые партии, там в вечной мерзлоте тысячи захоронений умерших и расстрелянных зэков, тоннель то строился, то забывался на годы...

Уже в 30-е годы намечалась и начала строиться новая, удаленная к северу магистраль параллельно действующему Транссибу. На пути ее встал Буреинский хребет. Обходить его было нецелесообразно, и тогда решили пробить Дуссе-Алиньский перевал почти двухкилометровым тоннелем. На выполнение задачи были брошены заключенные БАМлага. Проходка велась с двух сторон навстречу друг другу. С одной стороны сопки заключенные-мужчины, с другой – заключенные-женщины.

Мужской лагерь располагался у восточного портала, а женский – у западного. Говорили даже, что женщины продвигались быстрее мужчин**. История о том, что руководство лагерей пообещало заключенным при стыковке «трое суток любви» и, действительно, сдержало слово, нашим офицерам была, видимо, неизвестна. Во всяком случае, я ее тогда не слышал и узнал об этом факте спустя сорок лет из поздних публикаций, в частности из очерка В. Прядкина «Тайна Дуссе-Алиньского тоннеля»***.

Наконец, уже в темноте, наша автоколонна преодолела последний подъем, это и был Дуссе-Алиньский перевал, и мы начали спускаться в распадок, где виднелись среди сплошной тьмы далекие огни – костры нашего десанта.

Командование части, прежде чем посылать на перевал десант, конечно, получило сведения о сохранившихся в распадке лагерных по-

* Песня Вл. Высоцкого.

** «Документы свидетельствуют, что производительность труда на западном портале была в 1,5 раза выше, чем на восточном». («Тайна...»)

*** «М.А. Рацбаум вспоминает: "За 23 месяца чистой работы мы прошли более 1800 метров и сбойку штолен дали на два месяца раньше срока, назначенного народным комиссаром. Три дня и три ночи оба лагерных пункта отдыхали. Три ночи женщины спали с мужчинами"». (Там же)

стройках – бараках, домах охраны и т. д., в которых и предполагалось разместить до весны личный состав: офицеров – в дома, воинов – в бараки. Весной планировалось построить свои, более комфортные помещения, а бараки снести. Так все и получилось. Кстати, первыми такими строениями стали столовая, баня и гауптвахта.

Мы вышли из машин на площадке, посреди которой горел огромный костер. Возле него стояли несколько воинов, поправляли огонь, подкидывали дрова. Здесь, в распадке, ветра не было, и пламя костра, чуть покачиваясь и рассыпая искры, устремлялось вверх, к черному бархатному небу. На небе висели огромные, мохнатые от мороза, звезды. Таких ярких и близких звезд я не видел никогда – ни до, ни после. Холодные, как изо льда, они равнодушно смотрели с высоты на затерявшихся среди бескрайней тайги людей, копошащихся в темноте у огня. Звезды смотрели на нас, а мы на них. Больше смотреть было не на что.

За костром стояла крошечная тьма. Казалось, там нет ничего. Но в этой тьме скрывалась неизвестная нам тайга – на сотни километров, без людей, без жилья, только сопки и сопки да деревья в снегу. А по снегу – следы диких зверей. И звезды над белым безмолвием...

От таких мыслей становилось не по себе. У живого огня на душе спокойней. Огонь для человека во все века был спасением. И для нас, как для первобытных людей, костры первое время служили источниками света и тепла, потому что электричество от своей мобильной электростанции, работающей на солярке, появилось дня через три после нашего прибытия. А уж потом только лагерь подключили к ЛЭП, которая была проложена вдоль реки со стороны Сулука на Ургал.

Покурили у костра. Погрелись. Лютый мороз по-прежнему не щадил нас, пробирался в любую щелочку к телу, несмотря на нашу утепленную амуницию. Но мы уже начали привыкать обжигающему дыханию севера. Если к этому вообще можно привыкнуть. А вот держать удар, не хлюпая носом, принимать то, что тебе выпадает – этому научиться можно. Мы – учились.

Кто-то из кострожогов указал дорогу в темноте – офицерам налево, где им подготовили помещение, нам направо – к невысокому строению, как оказалось, сохранившемуся с эковских времен бараку. Там уже жили прибывшие до нас и можно было переночевать. Про еду никто и не заикался. Ладно что сигаретами в Ургале запаслись – в нашем положении без курева хуже, чем без еды, как на фронте. Без шуток. Десант, конечно, старался, но что можно сделать за несколько дней в глухой тайге без электричества для размещения пятисот человек?

В бараке было так же темно, как и на улице, хоть глаз выколи. И так же холодно. Показалось, что еще холоднее. Там хоть звезды да костер светили. Чиркая спичками, кое-как нашли свободное место и, не раздеваясь, в полушубках, шапках и валенках, повалились на нары. Устали так, что говорить не хотелось, заснули, как убитые и спали до утра.

Так началась наша служба на Дуссе-Алине. На другой день мы увидели тоннель. Но сначала скажу, что представлял собой барак, в котором довелось нам жить до весны. А где-то в конце апреля батальон переместился в палаточный лагерь, построенный за зиму на другом берегу Черта по всем правилам военно-инженерной науки.

Лагерь, заброшенный людьми двадцать с лишним лет назад, все равно оставался лагерем. Утопали в снегу злобные сторожевые вышки, приземистые, словно вросшие в землю бараки, глядели на новоселов бельмами разбитых окон. Казалось, вот-вот услышишь бешеный лай

собак, клацанье оружейных затворов, сильный мат вертухаев... Нет, мертвая тишина стояла в распадке*.

По утру мы рассмотрели внимательно свое новое жилище, которое при всем желании казармой назвать язык не повернется. Наружные стены барака были в свое время оштукатурены, куски штукатурки кое-где еще держались, и на них можно было увидеть остатки росписи, сделанной лагерными художниками (или художницами, лагерь-то был женский, потом мы сможем побывать за сопкой, где находился мужской лагерь, но от него остались рожки да ножки, что было непонятно при хорошей сохранности женского лагеря – почему тот разобрали до основания?).

На первый взгляд казалось, что барак вот-вот рухнет, но это впечатление было обманчивым – построенные из лиственницы, бараки оставались и через четверть века на удивление крепкими. Мы удостоверились в этом, забивая в стены гвозди – они пружинили и звенели, словно вколачивали их в железо.

Барак разделялся перегородками на четыре отсека, каждый имел свой вход с небольшим тамбуром, где мы держали дрова. Посреди помещения стояла печь, а по обеим сторонам прохода к печке – двухъярусные нары. Крохотное оконце пропускало в отсек минимум света, в бараке даже днем было сумрачно. Да еще в это оконце пришлось выводить печную трубу, потому что старый дымоход развалился. На территории лагеря сохранилось несколько таких бараков, которым и предстояло на время стать для личного состава казармами. Все они растянулись вдоль сопки, поросшей редкими, как бы больными деревьями**. В ней и был пробит тоннель.

Рядом с бараком, где разместился в крайнем отсеке наш минно-подрывной взвод, стояло полуразрушенное квадратное здание без крыши. По всей видимости, это был когда-то клуб. На южной стене его хорошо сохранилась написанная по штукатурке картина – Красная площадь, залитая солнцем, веселые девушки в белых легких платьях... Наверное, именно такие картины видели во сне заключенные, женщины, лишённые детей, мужья которых – «враги народа» – были расстреляны или отбывали сроки, едва ли не в половину жизни, в таких же вот лагерях, разбросанных по архипелагу ГУЛагу...

* Согласно решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР (1930 г.) о строительстве БАМа от Тайшета до Советской Гавани общей протяжённостью трассы более 4000 км предстояло пробить тоннель сквозь хребет Дуссе-Алинь. Решение этой задачи началось в конце 1939 года. Здесь, как и на всей Байкало-Амурской магистрали, использовался труд заключённых Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря, который был создан в 1932 году. Всего на участке от станции Известковая до станции Амгунь находилось 56 лагерей, а от станции Ургал до станции Дуссе-Алинь – 7 лагерей, непосредственно подчинённых ГУЛагу... Если бы туннель строили заключённые, получившие срок за убийство, разбой, грабеж, другие насилия или, допустим, воровство... В том-то и трагедия, что тоннель строили «политические» осуждённые даже не судом, а «тройками» по многочисленным частям пресловутой 58-й статьи... («Тайна...»)

** Мы удивлялись, почему на двух сопках, что протянулись вдоль реки, такая чахлая растительность. Предположили, что деревья вырубали на дрова, а новые еще не успели подрасти в условиях вечной мерзлоты. Потом на восточной сопке мы обнаружили кладбище, тут хоронили эзков. Но в очерках В. Прядкина утверждается, что захоронения были и на другой сопке, возле тоннеля. Эту сопку мы знали как свои пять пальцев, но могильников на ней не видели. Наверное, они сровнялись с землей за прошедшее время. Так или иначе, но вырубки деревьев в обоих случаях и стали, видимо, причинами почти безлесья на западной и восточной сопках.

Когда я вернулся домой, узнал, что соседка по квартире Анна Акимовна Гирусова отсидела десять лет совсем недалеко от Дуссе-Алиня, в лагере в районе Сулука. Мужа ее, комсомольского секретаря, расстреляли. Анна Акимовна была реабилитирована после XXII съезда партии и доживала свой век персональным пенсионером в специализированном доме-интернате ветеранов КПСС... Я дружил с ее внуком. А с ней мы немного успели поговорить о том, что она пережила в дальневосточном лагере. Жаль, не записывал.

В том бывшем клубе без крыши, но с яркой картиной на стене нас фотографировали на новые комсомольские билеты... А возле входа была свалена огромная куча замерзшего по дороге из Ургала лука, и в ней копались «молодые» в поисках сохранившейся луковицы, потому что нехватка витаминов начала сказываться. Вскоре на столах в столовой появились бледно-коричневые шарики поливитаминов. У меня от этих шариков сыпь выступала по всему телу. Но это позже, а сначала никакой столовой, как, впрочем, и бани, и в помине не было.

Расскажу, как мы увидели тоннель.

Удивительно, зимой там, в тайге, почти не было пасмурных дней. Или в памяти так отпечаталось – бездонное небо, солнце в дыму, кругом белым-бело, а по снежному полю солнечные искры рассыпаются... Так было и в первое наше утро на Дуссе-Алиньском перевале. В одном из сохранившихся лагерных зданий разместилась временная столовая. Возле нее горели костры, на них повара кипятили воду для чая и варили перловку, а в помещении, темном, из-за отсутствия электричества, вдоль стен стояли мешки с сухарями. Так можно было позавтракать, как говорится, чем бог послал. Что мы и сделали. После чего отправились к тоннелю, разглядывая по пути утопавшие в снегу приземистые сторожевые вышки, стоящие по одной линии, как потом оказалось по берегу речки Черт.

На расчищенной от снега площадке вблизи тоннеля состоялся развод. Мы слушали начальника штаба, а сами все смотрели на сопку, у подножия которой чернел вход в тоннель. «Чернел» – не совсем точно, потому что почти полностью он был закрыт огромной зеленоватой наледью*. Весной мы поднимаемся на сопку и на ней обнаружим бетонные столбики, поставленные, видимо, поисковой партией. На этих столбиках были буквы: «БАМ 1939».

Теперь известно, что строительство тоннеля началось в 1939 году, а тогда, глядя на дату, мы удивлялись – казалось, 39-й – это так давно! Потом, в 1942 году, тоннель законсервировали, заключенных перевели на другую стройку. Через десять лет строительство возобновили, но вскоре (в мае 1953-го) снова приостановили. Так он и стоял до нашего прибытия. Дренажная штольня была не достроена, и в тоннель попадала вода, которая замерзала. Некоторое время в тоннеле для поддержания рабочего состояния топили печки-буржуйки и разжигали костры специально назначенные люди под руководством смотрителя. Потом им перестали оплачивать труд, должности сократили, и тоннель стал промерзать. За годы в нем образовался ледяной стержень, а наледь даже вышла наружу со стороны западного портала. Она не таяла даже летом.

* «...Вода, смерзлась, забила проход снизу доверху льдом, длинным языком высунувшись на западном портале. Язык не стаивал даже летом, и постепенно здесь выросла огромная ледяная гора. Даже в самую жаркую пору здесь было прохладно и пахло зимой» (В.Ф. Зуев «Первопроходцы восточных магистралей России», цит. по: В. Прядкин «Тайна...»).

Чтобы привести тоннель в рабочее состояние, надо было убрать из него 32 тысячи кубометров льда. Об этом и говорил на разводе майор Бескубский, а мы мерзли, притопывая ногами, обутыми в новехонькие «бамовские» валенки на резиновом ходу и, пряча лица в воротники полушубков, разглядывали Портреты.

Над входом в тоннель стояли три огромные, соединенные вместе плиты. Снизу казалось, что они заслоняют добрую половину сопки. От этого вход в тоннель казался меньше, чем он был на самом деле. На плитах были высечены барельефы трех вождей – Карла Маркса, Ленина и Сталина. Гордо выпятив подбородки, вожди устремляли взгляд вдаль. Это была живая история нашей страны, ее трагико-героическая страница. В очерках о тоннеле я читал, что вопрос, были ли барельефы в действительности, является спорным*. Могу утверждать, как очевидец – были. Но недолго. Плиты, конечно, остались, но на них уже к весне нельзя было разглядеть великие профили, там красовались буквы, написанные на отшлифованных поверхностях нашими художниками: «Привет строителям БАМа!»

4. Бурундук

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,
На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.

По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом растряс,
И посыпались вниз орехи,
Те, что на зиму он запас.

А зверек заметался, бедный,
По коряжинам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».

– Чем зимой-то будешь кормиться?
Ишь ты,
Рыжий какой шустряк!.. –
Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.

Тосковал он сперва немножко,
По родимой тайге тужил.
Мы прозвали зверька Тимошкой,
Так в бараке у нас и жил.

А нарядчик, чудак-детина,
Хохотал, увидав зверька:
– Надо номер ему на спину.
Он ведь тоже у нас – зека!..

* «...Насчёт этих барельефов тоже очень много споров: одни говорят, что они действительно были сделаны, но позже их просто уничтожили, а кто-то говорит, что их не было и всё это – чистой воды выдумка...» (В.Прядкин «Тайна...»)

Каждый сытым давненько не был,
Но до самых теплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

Анатолий Жигулин, «Бурундук»

В те годы я уже писал стихи и даже отправлял их в толстые журналы. Помнится, стихотворение о бурундуке, бегущем по первому льду, было тогда написано. А с жигулинским бурундуком я познакомился уже после армии. Был и у нас свой бурундук. Расскажу о нем чуть позже. А вообще зверье и птица на Дуссе-Алине были непуганые. Совы и тетерева прилетали в лагерь и садились на крыши палаток. Бурундуки бегали, не страшась людей, по плацу, медведь едва не столкнул релейную станцию, установленную на самом высоком месте – на вершине Дембельской сопки. Но все это было весной, летом, осенью, а пока стояла зима, никакой живности мы в распадке не наблюдали. Только якут рассказывал нам, как он стреляет кабаргу да ловит песца и соболя.

Якут Володя Афанасьев оказался местным жителем. Охотник, он еще присматривал за линией связи. Жил в одном из домов охраны, на отшибе. У него было две жены и куча детей. Все они приходили к нам смотреть кино, когда летом его стали показывать воинам на специально встроенном в черный футляр экране. Этот футляр вывешивал наш киномеханик Николай Мазалов перед каждым показом на стене палатки.

Бесконечной казалась зима. Мороз трещал, над крышами барачных белыми столбами поднимался к небу дым – печи топили непрерывно. Но день ото дня жизнь батальона приходила в норму. Автоматы Калашникова нам заменили на карабины Симонова. Но пострелять из них нам так и не удалось. Другим были заняты. Конечно, пост номер один, это святое – знамя части. Штаб тоже. Коммутатор. Обустройство быта, прежде всего – жильё, столовая, баня.

Сухари отошли в прошлое. Из Ургала по зимнику подвозили продукты, сухие пайки. По пути они замерзали. Буханки хлеба мы пилили ножовкой. А банку консервов разрубали топором напополам, грели половинки на печке. Очень даже удобно было зачерпывать из них содержимое ложками, которые «старики» носили за голенищами, согнув для удобства рукоятку. Появилось электричество, а это и свет, и горячая еда.

И баня! Как же солдату без бани! Но какое-то время, наверное, недели три-четыре, мы о ней и не вспоминали. Наконец наши хозяйственники что-то придумали, организовали помывку в одном из домов охраны, где сохранилось с эковских времен банное помещение. Подновили, подтесали, печку растопили. Но это была, конечно, не баня, именно – помывка. Погреться не удалось, да и воды не хватало. Позабирались «старики» на лавки с ногами, потому что с полу тянуло холодом страшно. «Молодые» носили в тазиках снег и растапливали его у печки. Но все же кое-как помылись, переоделись, и на душе стало радостней.

Вскоре и баню на берегу реки построили, настоящую. И столовую. На завтрак, обед и ужин теперь ходили поротно с песней. Военская дисциплина, несколько ослабевшая в первое время, укреплялась. А к весне и гауптвахту поставили. Тоже у реки. Из бревен от сломанных сторожевых вышек, что было символично. Нарушений дисциплины особых не случилось, потому что не было увольнений за пределы части – а куда, в тайгу, что ли? Иди, пожалуй, гуляй. Много не нагуляешь. А значит, не было и самоволок, основного источника нарушений. Но все же как без гауптвахты. Государства без тюрьмы не бывает, шутил сержант Игонин, а мы маленькое государство в большой тайге.

«Губа» вскоре и пригодилась. Запустили свою хлебопекарню. Кстати, хлеб – белый-белый – получался очень даже вкусный. Но и тут не обошлось без происшествий. Разве могли наши хлебопеки устоять против соблазна поставить бражку? И поставили. Помню, на разводе как раз на День Победы (мы уже перебрались в палатки) на новеньком плацу, что был засыпан щебнем и укатан бульдозерами, прямо перед строем нашему комбату подполковнику Гаку прапорщик поднес четыре канистры. Все понимали, что в них, потому что перед тем начальник штаба зачитал приказы о смертельных случаях отравления антифризом в воинских частях и требованием усилить контроль за личным составом по поводу спиртного.

Комбат молча поднял первую канистру и опрокинул ее верх дном. Содержимое с громким бульканьем полилось на плац. Мы смотрели, как брага, пенясь, уходит под щебень. Потом была вторая, третья, четвертая канистры... Хлебопеков отправили на гауптвахту, назначили других. Но хлеб, независимо от перемен, оставался по-прежнему вкусным.

Пока исследовали тоннель и начальство в далеком Чегдомыне решало, как избавиться от ледяного стержня и наледи у входа, роты получили задание готовить просеку, по которой в будущем должна была пройти железная дорога к тоннелю, через него и дальше, дальше – на восток.

Ближе к весне личному составу сделали прививки – «от энцефалита». Прививка состояла из трех болезненных уколов под лопатку с промежутком в две недели после каждого. Про клещей, разносящих это заболевание, никто из нас не слышал, но рассказывали страшные истории о том, что может случиться с человеком от укуса инфицированного клеща. «Попадет вирус в мозг, – говорил нам сержант из санчасти, – и все – или помрешь, или, в лучшем случае, дураком останешься на всю жизнь!» Ни первое, ни второе нас никак не устраивало, и мы дружно подставляли спины под иглу. Я лично ни одного клеща за время службы так и не увидел, но в части прошел слух, что клеща обнаружили за ухом у ребенка одного из офицеров. Родители перепугались и малыша увезли в Хабаровск в военный госпиталь. К счастью, заражения врачи не обнаружили. Но мы стали внимательней себя осматривать, опасаясь неведомых переносчиков энцефалита.

Поздней весной в части появились женщины и дети – к некоторым офицерам стали приезжать семьи. А мы в это время переселились на другой берег Черта, в палатки, а бараки и сторожевые вышки ломали и пилили на дрова, которые нужны были и в палатках. Лагерь преобразался, все меньше оставалось примет «зоны», а вскоре они вообще исчезли. Только дома охраны, в которых расселились офицеры и их семьи, остались у подножия сопки, но были обычными строениями, как бы

не имеющие к лагерю никакого отношения. Военная часть со всеми необходимыми атрибутами посреди тайги – так это теперь выглядело.

Расскажу еще историю, как наша невеликая речка показала свой нрав, оправдывая свое имя – Черт.

В конце мая, когда наступил пик таяния снегов и с сопков вниз обрушились водные потоки, Черт разбушевался. Помню, мы проснулись в палатке не от привычного «Взвод, подъем!», а от того, что выпались, как дома «на гражданке». В «ленинской комнате» собрались поднявшиеся по привычке раньше нас «молодые». Стоит сказать, пожалуй, что такое ленинская комната.

Армейская палатка, рассчитанная на сорок человек, представляла собой каркас из бревен обтянутый брезентом. Посредине была сложена небольшая печка, от которой почти через все пространство палатки шла труба диаметром не меньше полуметра. Она-то, быстро нагреваясь, и давала постоянное тепло. По обеим сторонам располагались двухъярусные кровати, между ними – личные тумбочки. А возле входа – с той и другой стороны – отделены были два достаточно просторных помещения – в одном размещалась каптерка, то есть, склад имущества, в другом – ленинская комната с портретом вождя и наглядной агитацией. Тут проводились всяческие беседы, политинформации и т. п. Но это было редким явлением. Чаще здесь по ночам выпивали привезенные контрабандой спиртные напитки – кто у корейцев* водки достанет с корнем или змеей внутри бутылки, кому посылочка придет, а в ней грелка с самогоном...

Так вот, проснулись мы в тишине – ни офицеров, ни прапорщиков, а время уже позднее. Что-то, значит, случилось. А случилось следующее.

За ночь река, как вена на перетянутой жгутом руке, вспухла. На нашем берегу толпились полуодетые солдаты, а на другом – офицеры. Все с изумлением глядели на вчера еще спокойную, узенькую, навроде ручейка, а сегодня будто сорвавшуюся с цепи, дикую в своем неистовстве реку, которая с бешеной скоростью несла сверху куски льда, пни, коряги, целые деревья, сметая на своем пути все препятствия. Мост, соединявший два берега небольшой речушки, а значит, и рядовой состав части с офицерами, снесло как игрушечный. На другом берегу остались не только дома офицеров, но и штаб, коммутатор, хозяйственные службы и... столовая!

До обеда две половины разделенного стихией гарнизона жили по разные стороны реки. Время от времени те и другие выходили на берег посмотреть на бурный поток, несущийся мимо лагеря к Дембельской сопке, где он, круто поворачивая, исчезал из глаз. Уровень воды

* Корейские десанты рубили тайгу недалеко от расположения части, и мы с ними общались, выменивая в основном алкоголь на какие-нибудь наши безделушки или покупали за деньги. Бутылка водки со змеей внутри стоила, если мне не изменяет память, двенадцать рублей. Таких десантов корейских было много. Из Ургала в Корею шли эшелоны с нашим лесом. «...В 70-е годы прошлого века корейцы взяли в аренду пару тысяч квадратных километров советской тайги, чтобы рубить лес. Половину заготовленной древесины они отдавали нам, остальное продавали. Тогда лес рубила Трудовая армия Кореи, это около ста тысяч человек, организованных по военной структуре: десятки со своими десятниками, сотни со своими сотенными. И все – со значками Ким Ир Сена!...» («Факты», 23.04.2009). Правда, они все были со значками на груди. Однажды в поезде Ургал – Известковая (я ехал в командировку в Комсомольск-на-Амуре) я предложил корейцу поменяться значками. Он испуганно прижал к груди руки, пряча изображение вождя, и отрицательно потряс головой.

не снижался – разбушевавшийся Черт не хотел успокаиваться. Теперь стало понятно, почему все строения эзков находились по одну сторону реки, видимо, такие паводки были тут нередким явлением.

Ближе к вечеру вопрос с питанием батальона был решен. Мощные «Уралы» (автопарк располагался на офицерском берегу) перевозили личный состав в столовую и обратно. Машины яростно сопротивлялись потоку, который пытался развернуть их по течению, вода бурлила и пенилась под крыльями. Но техника побеждала.

Дня через три уровень воды спал – отплясал Черт свой весенний танец, успокоился, улегся до времени в русло, а воины мостовой роты быстро поставили новый пост, крепкий, способный принять на себя любой удар, который может нанести исподтишка скромная с виду, но коварная по натуре дальневосточная речушка. Черт, одним словом.

Пожалуй, это все, что я хотел рассказать о первых месяцах на Дуссе-Алине. Конечно, за это время произошло немало событий. Взорвали наледь у входа в тоннель. С нашей стороны мы еще летом проходили по тоннелю почти до конца. И с другой стороны сопки заходили. Но пройти его насквозь все же мешала ледяная пробка, закупорившая тоннель ближе к западному порталу.

Ближе к осени к тоннелю подвезли и поставили мощные генераторы и погнали внутрь по рукавам теплый воздух, он растапливал лед, а где он не справлялся, там шли воины с отбойными молотками. Впрочем, об этом уже очень много сказано, поэтому повторяться не буду.

Еще один эпизод, который стоит упомянуть. В середине лета на батальон обрушилась дизентерия. Треть личного состава, включая и офицеров, увезли в Хабаровск. Некоторых увозили на вертолете. Был даже один смертный случай – рядовой из путевой роты умер в санчасти. (За девять месяцев в батальоне случилось две смерти: первая в самом начале, когда связист ночью, решив погреться уснул в кабине автомобиля и задохнулся, вторая – во время дизентерийной эпопеи.) Мне повезло – сержант-санинструктор дал мне «чудодейственную» таблетку, она и спасла, видимо. Помню, кто-то из прапорщиков шутил, дескать, от дизентерии помереть не зазорно – знаменитый пират Фрэнсис Дрейк от нее сей мир покинул. Но это мало утешало воинов с позеленевшими от приключившейся хвори лицами.

А мы уже начали считать дни до дембеля.

Мне хочется сказать несколько теплых слов об офицерах: они действительно были для нас как родители, хотя некоторые из них по возрасту были немногим старше нас. Но были они еще и настоящими товарищами. Люди все же устроены так, что, когда трудно, они объединяются, забывая о различиях в возрасте, национальности, должности. Так было на БАМе.

Я ничего не написал о так называемой «дедовщине» или неуставных отношениях. Были они? Конечно, были. Но не такие, как нередко о них рассказывают и пишут. Важнее было другое. Была дружба, и лучшей школы дружбы, в том числе и межнациональной, я не знаю. В тех условиях, в которых мы находились на Дуссе-Алине, быстро понимаешь, что стоишь ты сам и кто твой друг. Этого не забыть никогда.

Так вот, о бурундуке.

Была такая традиция – брить головы наголо за 100 дней до дембеля. Традиция соблюдалась неукоснительно. Оболванился с вечера и я. На другой день мы разбирали на дрова один из ветхих домов за речкой и

увидели очередного полосатого гостя – бурундука, который, испугавшись, забрался за доску над крыльцом. Мы решили поймать зверька. И наверно, сумели бы, но помешала моя лысая голова. Пилотки у нас по привычке были заткнуты за ремень, и свежесбритые головы сверкали на солнце. Убегая, бурундук прыгнул из своего укрытия прямо мне на темечко и, оттолкнувшись от такой удобной опоры, мягко приземлился и кинулся наутек в тайгу. Я смотрел ему вслед, зажимая ладонями рану, и думал, что свобода – это в жизни главное. И для зверя, и для человека. Скоро и нас ждет свобода. Так казалось тогда. А на голове моей свободолюбивый зверек оставил своими когтями глубокие отметины – из них сочилась кровь. Пришлось голову забинтовать. «Ладно, скальп не снял!» – участливо сказал мне в санчасти прапорщик, поливая красные борозды от когтей бурундука перекисью водорода. Ничего, подумал я, это для памяти – никого не лишай свободы, даже не думай об этом.

Осенью, когда на сопках засеребрились вершины, а возле плаца осина так покраснела, что стала похожа на флаг, и речушка наша Черт покрылась тонким первым льдом, я снова увидел бурундука. Он бежал по льду, чуть-чуть припорошенному снежком. На середине реки он замер, повертел головой, как бы удивленно, и побежал дальше. Должно быть, радовался и первому льду, и первому снегу – жизни.

В ноябре первая партия уволенных в запас воинов покинула Дуссе-Алинь. Я был среди них.

Виктор Прядкин пишет: «Сегодня с шумом проезжают (в т. ч. и пассажирские) поезда по Дуссе-Алиньскому тоннелю. Я уверен, что пассажиры не знают историю его строительства. Но я уверен и в другом: когда-нибудь неравнодушные люди выбьют у чиновников из федерального бюджета необходимые средства для установки достойного памятника тем, кто умер от нечеловеческих условий, от недоедания, переутомления и прочего. Тем, кто был расстрелян у этого тоннеля. Но! В память о себе они оставили тоннель».

Я готов подписаться под этими словами.